

**Регионализация прав и свобод человека:
культурное и правовое явление современности
или вызов международному правопорядку**

Единый подход к пониманию прав и свобод человека является залогом взаимопонимания и продолжения диалога культур и цивилизаций в современном мире. Концепция универсальных прав и свобод человека нашла воплощение во Всеобщей декларации прав человека, выразившей ожидания и надежды человечества, перенесшего страдания и разрушения двух мировых войн. Тем не менее все большую силу набирают региональные системы прав и свобод человека, в основу которых положены идеи, пропагандируемые международными коалициями. Фрагментация прав и свобод человека приводит, с одной стороны, к противопоставлению региональных систем прав человека универсальной системе, с другой – к противопоставлению региональных систем друг другу. Вместо мирного диалога разгораются споры. Человечество, вооруженное разрушительным оружием, вновь стоит перед угрозой конфликта цивилизаций.

Ключевые слова: права и свободы человека, Всеобщая декларация прав человека, регионализм, международный правопорядок, идеологическое противостояние.

Mashkovskaya U. N.
**Regionalization of Human Rights And Freedoms: The Cultural
And Legal Phenomenon of Present Day Or a Challenge
to the International Legal Order**

A Unified approach to understanding human rights and freedoms is the key to mutual understanding and continuing the dialogue of cultures and civilizations in the modern world. The concept of universal human rights and freedoms was enshrined in the Universal Declaration of Human Rights, which expressed the expectations and hopes of humanity after suffering and devastation of two world wars. Nevertheless, regional systems of human rights and freedoms, based on ideas promoted by international coalitions, are gaining momentum. Fragmentation of human rights and freedoms leads, on the one hand, to the opposition of the regional human rights systems to the universal system, on the other – to the opposition of the regional systems to each other. Instead of a peaceful dialogue, disputes erupt. Humanity,

armed with destructive weapons, is once again facing the threat of a conflict of civilizations.

Keywords: human rights and freedoms, Universal Declaration of Human Rights, regionalism, international legal order, ideological confrontation.

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН) провозгласила Всеобщую декларацию прав человека, закрепив на международном уровне принцип универсальности прав и основных свобод человека. В преамбуле Декларации подчеркнута важность всеобщего понимания характера прав и свобод человека и огромное значение такого понимания для выполнения государствами – членами ГА ООН взятого на себя обязательства содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод.

В настоящее время в составе ГА ООН насчитывается 193 государства. Почти каждое из них входит в одну из так называемых региональных систем прав и свобод человека (СПСЧ). Общепринятая точка зрения на причину появления и укрепления региональных СПСЧ состоит в том, что они нацелены на сохранение «тысячелетних верований, религиозно-нравственных учений, традиций и обычаев» [1, с. 41] в отдельно взятых регионах мира, причем предполагается, что этот постулат должен вызывать положительные коннотации. Но, полагаем, главная причина существования региональных СПСЧ заключается не в необходимости поддержания культурного и идейного многообразия на земном шаре, а как раз в обратном – в использовании некой идеи в качестве духовной скрепы, призванной подчеркнуть региональную особость и обособленность. При этом не важно, какие корни и какой окрас имеет такая идея – религиозный, философский или политический. В 1993 г. Комитет по правам человека ООН подчеркнул равнозначность религиозных и прочих мировоззренческих убеждений человека, определив религию как «теологические, нетеологические и атеистические убеждения, а также как право не исповедовать никакую религию или убеждения» [2].

Страны на современной карте мира можно распределить по шести региональным СПСЧ, границы которых условны, изменчивы и налагаются друг на друга. Рассмотрим вкратце идеи, положенные в основу этих систем государствами, их создавшими.

Межамериканскую и европейскую СПСЧ объединяет провозглашение демократии в качестве наилучшего политического

режима и акцент назначимости человеческой личности, в отличие от африканской и азиатско-тихоокеанской СПСЧ, где акцент смещен в сторону коллективных прав народов, а права человека как такового трактуются через призму его принадлежности к этнической или национальной общности.

В преамбуле Устава Организации американских государств (вступил в силу 13 декабря 1951 г.) содержится утверждение об убежденности государств, его подписавших, в «исторической миссии» Америки, заключающейся в предоставлении человеку свободы и благоприятных условий для развития. В ст. 32 Американской конвенции по правам человека (вступила в силу 18 июля 1978 г.) подчеркивается, что «права каждого лица ограничены правами других лиц <...> в демократическом обществе» (т. е. в недемократическом обществе такие ограничения не считаются обязательными).

Государства, подписавшие 5 мая 1949 г. Устав Совета Европы, провозгласили в преамбуле «свою приверженность духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства Права, лежащих в основе любой истинной демократии».

Создатели африканской СПСЧ вдохновлялись «благородными идеалами panaфриканистов» (преамбула Учредительного акта Африканского союза, принятого 12 июня 2000 г.). Panaфриканизм – явление, стоящее в одном идейно-синонимическом ряду с пангерманизмом, панславизмом и панамериканизмом. При этом ст. 29 Африканской хартии прав человека и народов (вступила в силу 21 октября 1986 г.) вменяет каждому человеку в обязанность «служить своей нации, предоставляя в ее распоряжение свои физические и интеллектуальные способности».

Азиатско-тихоокеанская декларация человеческих прав индивидов и народов принята 15 февраля 1988 г. в подражание «принятию народами и государствами Америки, Европы и Африки их континентальных актов по человеческим правам индивидов и народов» (преамбула). Ст. 20 декларации содержит положение о «недопустимости политики, противоречащей интересам собственных народов».

Наиболее яркое воплощение мессианских идей можно найти в международных документах исламской СПСЧ. Например, в преамбуле Каирской декларации о правах человека в исламе (принята 5 августа 1990 г.) нашли отражение «подтверждение культурной и исторической миссии исламского мира, сотворенного Господом

как лучший из народов», и «роль, которую исламский мир должен играть в том, чтобы указать путь человечеству, запутавшемуся в противоречивых тенденциях и идеологиях».

Страны на постсоветском пространстве настолько идейно, культурно и политически разрознены, что утверждение о существовании в данном регионе обособленной СПСЧ не представляется обоснованным. Но отсутствие региональной СПСЧ как таковой не означает отсутствия предпосылок для ее формирования. В качестве одной из таких предпосылок можно рассматривать так называемую «идею русского мира». В Декларации о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора (4–6 апреля 2006 г.) содержатся заявления о том, что «существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека» и что «нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества» [3]. Следует сразу же оговориться, что создание универсальной СПСЧ как раз и имело в качестве основной цели предотвращение возникновения в будущем «ситуаций», когда «традиции подавляются» и «чувства оскорбляются». Что касается «угроз существованию Отечества», то это явление следует рассматривать в плоскости национальной безопасности; его отношение к правам человека как таковым крайне опосредованное.

Региональные СПСЧ реализуют потребность человека в аффилиации – принадлежности к группе, замкнутому, уютному, «своему» миру, что, в свою очередь, дарит чувство защищенности, безопасности и благополучия. Безусловно, нет ничего плохого в сохранении приверженности традициям, обычаям и мировоззренческим установкам своего народа и своих предков, если ведется основанный на взаимном уважении диалог культур и цивилизаций. Но такой диалог невозможен без осознания и признания равенства между собой и человеком иной системы мировосприятия; нежелание выстраивать свою жизнь сообразно чужим правилам не должно подразумевать необходимость автоматического принижения роли и отрицания значимости этих правил в жизни другого человека.

Опасность кроется в том, что «свой мирок» может быть объявлен центром вселенной, а «свои правила» начать восприниматься в качестве истины в последней инстанции (кто живет так, как живу

я, – тот друг; кто не живет так, как живу я, – тот враг). Очевидно, что регионализация прав и свобод человека в таком аспекте нацелена не на сохранение самобытности, поскольку сохранение любой системы невозможно без развития, а развитие невозможно без взаимодействия. Она нацелена на использование концепции прав и свобод человека в политических интересах.

Такое использование проявляется прежде всего в противопоставлении региональных СПСЧ и универсальной СПСЧ с целью дискредитации и умаления значения последней.

В 1981 г. представитель Ирана в ООН Саид Раджаи-Харасани охарактеризовал Всеобщую декларацию прав человека в качестве «светского понимания иудео-христианской традиции» [4].

Во-первых, если принять высказывание Саида Раджаи-Харасани за отправную точку в размышлениях об универсальной СПСЧ, не совсем понятно, чем не устраивает автора высказывания, например, идея всеобщего равенства людей в правах и обязанностях, когда «нет ни Еллина, ни Иудея» (Послание к Колоссянам апостола Павла, глава 3).

Во-вторых, Священный Коран не противопоставляет иудео-христианскую и мусульманскую традиции, а, напротив, утверждает их преемственность и взаимосвязь (сура 3 стих 84):

Скажи (о, Мухаммад!): «Мы веруем в Аллаха и (в Откровение),
Что Он нам ниспослал,
И в то, что ниспослал Он Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку и Йакубу,
И (всем двенадцати израильским) коленам,
И в то, что Мусе Он послал,
И в то, что даровал Он Исе
И что другим пророкам снизошло, –
Меж ними мы не делаем различий, –
И лишь Единому Ему мы предаемся» [5, с. 90].

Наконец, в-третьих, нормы шариата не столь строги и бескомпромиссны, какими их пытаются представить политики-пропагандисты. Так, когда в начале XX в. нормы шариата начали препятствовать включению мусульманских стран в мировой рынок, это побудило египетского реформатора ислама шейха Мухаммада Абдо юридически обосновать допустимость получения процентов от капитала, что способствовало организации национальных банков в Египте и других мусульманских государствах.

Не выдерживает критики и утверждение некоторых исследователей проблемы фрагментации прав человека о том, что «реализация ряда прав в странах, принадлежащих к иным цивилизациям, наталкивается на непонимание и неприятие; население этих стран (особенно в сельской местности) продолжает жить согласно вековым традициям и предписаниям» [1, с. 38]. Подобные утверждения – это не причина и не оправдание регионализации прав и свобод человека, это просто констатация факта, причем констатация, произведенная с чванливой позиции Белого Человека: дескать, не доросли еще «иные цивилизации» до «европейских» ценностей.

В связи с этим уместно вспомнить о том, что в списке государственных функций не последнее место занимают культурно-просветительская и образовательная функции, и процитировать преамбулу Всеобщей декларации прав человека, где провозглашено, что все народы и государства должны стремиться путем просвещения и образования содействовать уважению прав и свобод человека и обеспечению всеобщего и эффективного признания и осуществления их.

В качестве другой проблемы современного миропорядка можно назвать противопоставление региональных СПСЧ друг другу, также нередко используемое в пропагандистских и политических целях, что, в свою очередь, приводит не только к дискредитации понятия универсальных прав человека, но и к дискредитации тех идейно-ценностных установок, что положены в основу региональных СПСЧ.

Так, следствием широкого использования правительствами Западных стран терминов «демократия» и «права человека» в обоснование проводимой политики стало то, что «эти понятия начали восприниматься негативно, как обязательный элемент вмешательства во внутренние дела стран, подлежащих насильственной “демократизации” в чужих интересах» [6, с. 20].

«С учетом того, что исполнители терактов – выходцы из мусульманских стран, они реально угрожают и мусульманам, и исламу в целом. Пересмотр понятия “джихад”, перевод его из плоскости личного усердия мусульманина на пути к истине в плоскость вооруженной борьбы с “неверными”, в том числе с мусульманами, не разделяющими их взгляды, утверждает несвойственное исламу право на неповиновение, бунт, смуту (“фитна”). Одним словом, утверждает правомерность

“фитны”, хотя в Коране декларируется, что “фитна – хуже смерти”» [5, с. 27].

Выдвижение на первый план региональных СПСЧ взамен продвижения и укрепления в сознании людей ценности универсальной СПСЧ означает откат человечества к мировосприятию и мироустройству, существовавшему на рубеже XIX–XX вв., прямым следствием которого стали две мировые войны. Нельзя не согласиться с тем, что современный «мир переживает переломный момент истории, стоит перед угрозой конфликта цивилизаций, по-разному понимающих человека и его предназначение» [3].

Идею универсальных прав и свобод человека не должна постигнуть судьба всех идей, когда-либо претендовавших на реализацию в глобальном масштабе, поскольку человечеству пришлось заплатить дорогую цену для того, чтобы 10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила, что признание равных и неотъемлемых прав всех членов человеческой семьи является основой свободы, справедливости и всеобщего мира.

Список литературы

1. *Карташкин В. А.* Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45.

2. Право на свободу религии или убеждений // Центр по правам человека Университета Миннесоты. 2003. URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/edumat/studyguides/Rreligion.html> (дата обращения: 11.04.2018).

3. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 11.04.2018).

4. Евразийские права человека // Информационное агентство «РАПСИ-ньюс». 2017. 17 ноября. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20171117/280969976.html#ixzz5CNeBIa5 (дата обращения: 11.04.2018).

5. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. 11-е изд. М.: РИПОЛ классик, 2012.

6. *Румянцев А. Г.* Конституционно-политические события в арабском мире в 2011–2013 годах: хроника и первые уроки // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 13–22.